

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М 26

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *И. Хивренко*

Маринина, Александра.

М 26 Смерть как искусство / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2018. — 640 с. — (А. Маринина. Больше чем детектив).

ISBN 978-5-699-80198-5

«Жизнь — театр, а люди в нем — актеры». Известное шекспировское изречение как нельзя лучше подходит к новому роману королевы современного детектива Александры Марининой. Ведь Театр — не только высокое искусство, он как живой организм, не терпящий лжи, предательства и порой мстящий очень жестоко.

В театре «Новая Москва» совершается загадочное и непонятное для окружающих преступление — покушение на режиссера и художественного руководителя Л.А. Богомолова. Теперь уже частный детектив Анастасия Каменская и молодой оперативник с Петровки Антон Сташис приступают к расследованию, которое приводит их к удивительным и неожиданным результатам. Подозреваемых много, все они лгут, и у каждого для этой лжи есть свои причины: и родительская любовь, и слепая страсть, и гнусный шантаж, и жажда успеха, достигающегося слишком дорогой ценой, и страх разоблачения. Казалось бы, все вращается вокруг Театра, но одно маленькое, вроде бы незначительное событие, уходящее корнями в прошлое и ставшее в результате роковым, порождает новое зло. И сегодня пришло время восстановить справедливость...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-80198-5

© Алексеева М. А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

КНИГА 1

МАСКИ

Просто вы не знаете, что такое театр. Бывают сложные машины на свете, но театр сложнее всего...

*М. Булгаков.
«Театральный роман»*

У подполковника Сергея Кузьмича Зарубина были две слабости. Даже не слабости, а так, обстоятельства. Первое: у него чрезвычайно маленький для подполковника милиции рост, но это не порождало у Сергея Кузьмича никаких комплексов, а напротив, служило поводом для всяческого подшучивания над самим собой. И второе: он не любил артистов. Ну, не то чтобы совсем не любил, боялся он их. И даже не то чтобы совсем уж боялся, просто опасался и как-то сторонился. Дело в том, что отец Сергея Кузьмича, незабвенный Кузьма Сергеевич Зарубин, очень любил играть в самодеятельном театре, при этом лупил сынка почем зря и периодически напивался по-черному, а мама Сергея говорила, утирая слезы то сыночку, то себе самой:

— Папка у нас с тобой человек творческий, надо с пониманием относиться.

С каким таким пониманием надо было относиться к ремню и бутылке, Сережа не знал, но с детства у него сложилось твердое убеждение, что люди творческие, и в особенности артисты, — это те, понять кого ему не дано никогда. И лучше всего дела с ними не иметь.

Но иметь дело, судя по всему, придется, потому что, когда совершается покушение на художественного руководителя театра, избежать общения с артистами и прочей творческой публикой никак невозможно. А как с ними общаться? Это же всю голову сломаешь! Надо заметить, что в свое время к женильбе друга и начальника Юрия Викторовича Короткова на актрисе Ирочке Савенич Сергей Зарубин отнесся вполне индифферентно. Ирка ему нравилась, она была своя в доску, простая, понятная, ужасно красивая, ужасно веселая и ужасно вкусно умела готовить. Какая-то она была обыкновенная, совсем не артистическая, не творческая, без всяких там специфических особенностей. Так что, наверное, не все артисты такие, с вывертом, что и не понять ничего. Однако слишком хорошо Сергей Кузьмич помнил своего батюшку, не будь он тем помянут. А жену Короткова продолжал считать редким исключением из общего правила.

Как бы эдак вывернуться, чтобы все-таки с артистами работал кто-нибудь другой? Покушением на режиссера Богомолова занимались два опера с территории, на которой находилось место происшествия, но они отработывали версию о том, что на художественного руководителя театра «Новая Москва» напали или случайные бандиты, или местная шпана, а тот факт, что у него ничего не взяли, может свидетельствовать о том, что преступников просто спугнул запоздалый прохожий или совершавшая объезд машина патрульно-постовой службы. Оперативники с территории шерстили уголовников и хулиганов, поднимали агентуру, если она у них вообще была, искали очевидцев, в общем, со-

вершали рутинную, скучную, но обязательную в таких случаях работу. Через два дня после покушения к делу подключили Петровку, а конкретно — Сергея Зарубина и нового сотрудника Антона Сташиса, пришедшего в отдел пару месяцев назад из Восточного округа Москвы. Сергей вместе со следователем Блиновым отработывали версию, связанную с отношениями Богомолова в высоких управленческих кругах, а также с возможными финансовыми нарушениями или махинациями. А всем, что связано непосредственно с театром, занимался один Антон, молодой и не особо опытный. А театр-то — не кот начхал, двести человек как одна копеечка. Ну куда молодому зеленому оперу такую махину поднять? Понятно, что Сергей должен вместе с ним по театру работать. Но до чего ж не хочется... Смех смехом, а ему, подполковнику милиции, даже порог здания театра переступить страшно.

Зарубин с тоской подумал о том, что сегодня День милиции, 10 ноября, но отметить праздник в кругу друзей-коллег вряд ли удастся. И вместо того чтобы радостно поднимать бокал за прошлые и будущие служебно-разыскные успехи, он должен сидеть и разговаривать с родственником потерпевшего Богомолова, родным братом его жены, на предмет: не жаловался ли Лев Алексеевич на финансовые трудности, не рассказывал ли, что на него «наезжают». Может быть, он в кругу семьи упоминал о ярых завистниках или о людях, которые его за что-то ненавидят? Конечно, правильнее было бы все эти вопросы задавать все-таки жене Богомолова, а не ее брату, но жена потерпевшего для разговоров совсем не пригодна, она днями и ночами сидит в боль-

нице и ждет, никак от шока оправиться не может. А Лев Алексеевич лежит с проломленным черепом в реанимации без сознания, и что будет дальше — врачи прогнозировать не берутся. У них один ответ: мозг — структура, до конца далеко не познанная, как он себя поведет — никто не знает, может, больной придет в себя через пять минут, а может, через пять месяцев.

Брат жены Богомолова, мелкий бизнесмен Вадим Дмитриевич Вавилов, крепенький и плешивенький, совершенно не похожий на свою красавицу сестру, явно переживал и за нее, и за деверя и очень хотел быть полезным, старательно вспоминал все, что когда-либо за время знакомства слышал от Богомолова, но пока во всех этих воспоминаниях не было ничего, проливающего свет на причины преступления или хотя бы позволяющего выстроить очередную версию. И Зарубин решился. Идея осенила его примерно полчаса назад, и он, задавая вопросы Вавилову и выслушивая его ответы, параллельно пытался оценить то, что пришло ему в голову. И чем больше оценивал, тем больше собственная идея ему нравилась.

— Вадим Дмитриевич, вы хотите, чтобы покушение на Льва Алексеевича было раскрыто?

— О чем вы, Сергей Кузьмич?! Разумеется, хочу.

— И вы готовы платить за это?

— Кому? — несказанно изумился Вавилов. — Вам? Это что, новые правила такие?

— Видите ли, Вадим Дмитриевич, — терпеливо принялся объяснять Зарубин, — вы сами говорите, что Лев Алексеевич — человек тяжелый, неуживчивый, грубый, не сдержанный на язык, а если так,

то врагов у него видимо-невидимо. А наши милицейские силы и возможности весьма и весьма ограничены, на одно дело никак не выделить столько сотрудников, сколько требуется, потому что есть и другие дела, а сотрудников все-таки не хватает. Если вы действительно заинтересованы в том, чтобы преступник был найден, я готов подсказать вам один вариант. У нас на Петровке много лет работал сотрудник, которого можно было бы привлечь к работе. Но это будет стоить денег.

— Что, бывшие милиционеры все такие корыстные? — усмехнулся Вавилов. — За идею работать не хотят?

— Бывшие милиционеры работают не за идею, а за зарплату, впрочем, как и действующие, — холодно откликнулся Зарубин. — Человек, о котором я говорю, работает в частном детективном агентстве, и его время стоит денег, потому что оно — рабочее, а свободного времени у сыщиков не бывает. Вы готовы платить?

— А вы гарантируете результат?

— Гарантирую.

Зарубин очень старался, чтобы голос его прозвучал твердо, но ему самому послышалась некоторая неуверенность. Настя Пална, конечно, человек надежный, но кто его знает... Все-таки театр — это тебе не бандитская группировка.

— У меня нет свободных денег, — ответил Вавилов, немного подумав. — Масштаб моего бизнеса не так велик, как вам, вероятно, кажется. Но если вы уверены в целесообразности того, что предлагаете, я найду деньги, это моя проблема.

И Зарубин с облегчением перевел дух.

— Ну купи, Настенька, сделай себе подарок ко Дню милиции, — уговаривала Настю Каменскую Ирина Савенич. — Смотри, как тебе идет.

Настя добросовестно смотрела в высокое зеркало и признавала, что да, действительно, этот темно-серый трикотажный костюм, с узкой юбкой чуть ниже колена и облегающим коротким пиджаком, ей очень идет. Костюм ей нравился, а вот цена — нет. Но для нее главное — уловить идею, понять, из каких тканей и какого фасона и цвета вещи хорошо сидят на ней и не делают еще более блеклой ее и без того бесцветную внешность, которую Настя категорически отказывалась совершенствовать при помощи макияжа. На макияж нужно тратить время, а времени ей жалко. С тех пор как Настя стала работать в частном детективном агентстве у своего старинного друга Владислава Стасова, у нее появились деньги, и она в принципе нет-нет да могла бы позволить себе купить какую-нибудь по-настоящему дорогую одежду известной фирмы. Но тут Настя была непреклонна: в бутике она только примеряет и прикидывает, а потом ищет аналогичные вещи в магазинах с «человеческими», а не заоблачными ценами.

Жена Настиного брата Александра Каменского Даша была владелицей как раз такого вот бутика, забитого до отказа брендовыми шмотками, и каждый раз, приезжая сюда для «примерок и прикидок», Настя выслушивала Дашкины уговоры что-нибудь купить, но ни разу не отступила от собственных правил: переплачивать за бренд она не собирается, деньги не на улице нашла, а честно заработала и цену им знает очень хорошо. Сегодня натиск был уд-

воен: вместе с Настей к Даше приехала и жена Юры Короткова Ира, которая, в отличие от самой Насти, делала в Дашином магазине покупки с нескрываемым удовольствием и при этом не уставала причитывать:

— Господи, какая же я толстая корова! На меня совершенно ничего нельзя подобрать, мне все мало. Если бы я была такой худышкой, как ты, Настюша, я бы уволокла весь магазин на себе. Ты какую вещь ни возьмешь — на тебе все отлично сидит, а я пока найду хоть что-нибудь — рак на горе свистнет.

Все-таки Ире удалось найти платье, которое хоть и обтянуло ее аппетитные формы, но выглядело на ней отлично и даже делало стройнее. Поняв, что уговорить Настю на покупку не удастся, Даша горестно вздохнула и повела своих гостей в кабинет пить кофе.

— Как Юрка? — спросила Настя Иру. — Справляется? Или скучает?

Вопрос был не праздным. Юрий Коротков был старше Насти и в отставку с должности заместителя начальника отдела ушел раньше ее. Сначала он попытался устроиться в частной фирме, но очень быстро выяснилось, что мужчины его возраста и квалификации востребованы только в одном направлении: уметь решать вопросы и заносить конверты. В первый же раз, как только Коротков позвонил по телефону, указанному в объявлении о том, что требуются сотрудники в службу безопасности, его открытым текстом спросили:

— В каких службах можете решать вопросы?

Тогда он подумал, что ему просто не повезло, и позвонил еще в несколько мест, разместивших

такие же объявления. Однако вопросы он услышал те же самые. Что же касается конвертов с деньгами, которые нужно будет «заносить», тут никто ничего впрямую не говорил, но Юре хватило ума самому догадаться.

Он загрустил и чуть было не запил, и тут подвернулся Александр Каменский со своим банком, у которого был, помимо всего прочего, и целый ряд непрофильных объектов.

— Пойдешь директором пансионата в Подмоскowie? — предложил Александр.

Первой реакцией полковника в отставке Короткова был категорический отказ. Он, профессиональный сыщик, милиционер с тридцатипятилетним стажем, — и директор пансионата? Это же курам на смех! Однако время шло, а такой работы, которая заинтересовала бы Короткова и не отпускала тем, что ему претило, так и не появлялось. И он, скрипнув зубами, принял предложение банкира Каменского.

С тех пор прошло пять лет, и совершенно неожиданно для себя самого Коротков увлекся и загорелся своей работой. Энергичный, инициативный, трудяга, он все время что-то придумывал и усовершенствовал: то стал создавать оздоровительный комплекс, то вводил в столовой разные программы питания — для вегетарианцев, диабетиков, язвенников, детей, то специальные детские программы, чтобы освободить родителей и дать им возможность провести время в фитнес-центре или все в том же оздоровительном комплексе с разнообразными СПА. Кроме того, Юра как человек, который отнюдь не понаслышке знал, до чего доводит пустое

времяпрепровождение с водкой, старался максимально занять вечера отдыхающих разными культурными мероприятиями, и в этом ему очень помогло то, что пансионат располагался в живописном месте на берегу озера. Как-то, по случаю, его жена Ирина порекомендовала режиссеру, у которого в тот момент снималась, при выборе природы обратиться к Короткову. Юра колебался недолго, разрешение на съемки на огромной территории пансионата дал, но взамен договорился, что, помимо официальной оплаты через бухгалтерию, будут проводиться творческие вечера с актерами для отдыхающих во всех заездах на протяжении всего периода съемок. Период оказался длительным, потому что снимали сериал, действие которого происходило как раз на берегу озера, и практика встреч с известными артистами и режиссерами стала для пансионата привычной. После этих съемок последовали и другие, уж больно красивой оказалась местность и превосходными — условия работы, а Коротков через Ирину и режиссеров, с которыми знакомился, стал регулярно приглашать экранных звезд на радость всем обитателям вверенного ему пансионата.

Так что с работой у Юры все утряслось, а вот с семьей нелады продолжались. Ира была его второй женой, от первого брака у него остался сын. Сын женат, у него растет дочка, и все они живут вместе с первой женой Короткова Лялей. Главная беда состояла в том, что сын и его супруга крепко пристрастились к алкоголю и Ляля ничего не может с этим поделаться. Конечно, Коротков тоже вмешивался неоднократно, и вел с сыном жесткие мужские разговоры, и пугал, и ругал, и устраивал на лечение, но